

В данном смысле противники безусловно имелись. Из наиболее известных – это князь Щербатов и писатель Карамзин. Осуждал фаворитизм при Екатерине историк А.Г. Брикнер (XIX в.). Но тут же добавлял, как бы оправдывая императрицу: «при обвинении ее не должно упускать из виду нравы того века вообще и нравы при дворе в особенности».

Нравственное разложение сверху обуславливало вообще падение нравов в России, проявляющееся в распутстве.

Какое же впечатление должен получить тот, кто знакомится с литературой об Екатерине Великой?

Автор этих строк причисляет себя к обычным читателям, хотя и ознакомился со всей основной по теме литературой дореволюционного, советского, перестроечного и постперестроечного периодов.

Позволим себе высказать такое соображение: не пора ли нам простить ей, императрице Екатерине Великой, эту в нравственной сфере человеческую слабость. Слишком велики были ее заслуги перед государством, а личные положительные качества, в том числе добродетели, явно преобладали. Будем помнить об этом!

М.А. Федорова (Екатеринбург)

«СПЕЦЕЕДСТВО» НА УРАЛЕ В 1926–1928 гг.

Документы Центра документации общественных организаций Свердловской области за 1926–1928 гг. содержат богатый материал по экономической истории Урала, в том числе об истории взаимоотношений инженерно-технических работников и рабочих, а также об отношении к технической интеллигенции партийных органов.

На 1925–1926 хозяйственный год советское руководство наметило переоборудование отечественной промышленности (в том числе уральской)¹. В 1920-е гг. уральской промышленности не хватало квалифицированных инженерных кадров, особенно таких, которые были способны проектировать новые заводы. Увеличение их производилось при помощи привлечения «старых специалистов» и подготовки новых кадров, а также ввоза инженерно-технических работников из-за границы, что обходилось государству недешево².

В 1926–1927 гг. негативное отношение рабочих к специалистам, к которому часто присоединялись партийные организации, могло стать тормозом развития промышленности. Поэтому партийные органы областного и окружного уровня стали предпринимать меры к уменьшению необоснованного «спецеедства»³. Данные явления происходили на фоне по-

степенного увеличения репрессий правящей партии большевиков по отношению к представителям дореволюционной интеллигенции⁴.

Рабочие и партийные руководители выдвигали следующее обоснование, являющееся основанием для негативного отношения к специалистам: незнание своего дела, неправильные распоряжения, дача распоряжений «с налета», «грубость» и др. Некоторые рабочие и парторганизации области в 1926–1928 гг. были недовольны высокой зарплатой инженеров⁵. Новые рабочие из среды крестьянства, привлекавшиеся к работе в промышленности во второй половине 1920-х гг. «в связи с ее восстановлением и расширением», приносили из деревни настроения уравнительности, что «усиливало спецеество»⁶.

В резолюции секретариата Уральского обкома ВКП(б) от 16 марта 1926 г. указаны основные разновидности «спецеествова», с которыми необходимо было вести борьбу: во-первых, открытая вражда и прямое давление на специалистов (в т.ч. — различные формы хулиганства); во-вторых, дискриминация специалистов партийными и советскими учреждениями (не прием детей в школы, необоснованное привлечение к суду, кадровые перемещения, публикация негативной непроверенной информации о специалистах в газетах); в-третьих, «скрытые формы спецеествова» — создание на работе атмосферы общественного презрения и недоверия к специалистам⁷.

В 1926 г. партийные органы областного и окружного уровня предлагали следующие меры борьбы со «спецеествовом»: использование инженерных кадров в соответствии с их квалификацией, т. к. «молодой неопытный специалист становится в глазах рабочих масс «лжеспецом», что способствует росту спецеецеских настроений»⁸; регламентация: прав инженеров на производстве, обязанностей и ответственности за порученную работу; использование печати в борьбе со «спецеествовом» (публикация наиболее яркого фактического материала о «спецеествове» и борьбе с ним; обоснованная критика специалистов; предоставление им возможности выступить в свою защиту)⁹; проведение производственных совещаний¹⁰, совещаний с партийным активом; постановка вопросов через фракции ВКП(б) на массовых рабочих собраниях о значении работы специалистов в развитии промышленности; включение в программу курсов цеховых партийных организаторов рассмотрения вопроса отношения партии к специалистам; разъяснения по этому вопросу ячейкам ВКП(б); формирование инженерно-технических секций при профсоюзах, «обеспечивающих партийное влияние и втягивание специалистов в общественную работу», а также содействие работе научных добровольных объединений специалистов (медицинское общество, УОЛЕ)¹¹; включение в экспертные

комиссии и в институт народных заседателей представителей соответствующих профсоюзных секций при привлечении к ответственности специалистов «за производственные недостатки, нарушение правил техники безопасности» и пр. (в то же время секретариат Уральского обкома ВКП(б) отмечал недопустимость приема на работу специалистов, осужденных за уголовные преступления)¹².

В документах Свердловского обкома ВКП(б) за 1928 г. «спецеество» продолжает упоминаться среди «нездоровых настроений рабочих», с которыми необходимо было вести борьбу¹³.

В 1928 г. громкие судебные процессы против «буржуазных» специалистов (Шахтинский процесс, дело Промпартии и др.) способствовали созданию обстановки недоверия и подозрительности ответственных работников к уральской технической интеллигенции. Это проявлялось также в стремлении партийных органов назначать на хозяйственную работу коммунистов по решению парторганизации. Появилась тенденция среди рабочих многие производственные сложности и собственные ошибки объяснять как результат «вредительства» техперсонала. Партийные органы указывали на необходимость: контроля над специалистами со стороны рабочих («революционно-пролетарского контроля») и перевоспитания профсоюзами «спецов». Отмечалось также наличие в инженерно-технической среде «контрреволюционных» настроений (особенно, среди «старых специалистов»). Таким инженерам, как Соловов, Грум, Маковецкий, членами партии давалась характеристика «антисоветских монархических элементов», указывалось на необходимость привлечения «такой публики» к судебной ответственности¹⁴.

Партийные работники и рабочие обвиняли специалистов в «срыве производственных совещаний». Высказывалось мнение, что они сознательно тормозят работу¹⁵. Некоторые рабочие утверждали, что специалисты сознательно содействуют снижению авторитета у рабочих администрации предприятий, чтобы этим могла воспользоваться «оппозиция»¹⁶. Инженерно-технических работников обвиняли в халатном отношении к работе, грубости с рабочими, «отрыве от народа, кастовости, демагогии» и др.¹⁷

В документах ЦДООСО за 1928 г. находит отражение обстановка недоверия и неповиновения рабочих инженерно-техническим работникам на предприятиях. Для необоснованной критики специалистов широко использовалась печать, в которой им не давалось возможности оправдаться. Характерно также частое обращение профсоюзных и партийных организаций к следственным органам для разрешения текущих производственных вопросов и при поиске виновных в авариях или при каких-либо про-

изводственных трудностях. Наблюдались случаи хулиганства и угроз физической расправы по отношению к низшему техперсоналу (мастерам). В этих условиях многие мастера стали просить администрацию перевести их в рабочие. Предприятия потеряли «много опытных и добросовестных специалистов благодаря травле их со стороны рабочих»¹⁸. Частым явлением была грубость администрации предприятий и ответственных партийных работников по отношению к специалистам. Инженерно-технические работники осознавали свою незащищенность перед органами власти, что не улучшало их практическую деятельность. Следствием «специедства» стала большая текучесть инженерно-технических кадров¹⁹.

Сложившееся отношение недоверия к специалистам в конце 1920-х гг. привело к тому, что значительное количество уральской технической интеллигенции было привлечено к ответственности по уголовным делам (как «вредители»)²⁰. Основная часть репрессированных инженерно-технических кадров была использована на строительстве объектов социалистической индустриализации в качестве подневольного трудового элемента²¹. На смену им на предприятия, не принадлежащие к системе исправительно-трудовых лагерей, пришли выпускники советских вузов, носители пролетарского мировоззрения и «коммунистической» идеологии.

Примечания

1. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 14. Л. 30–47. Ф. 6. Оп. 1. Д. 198. Л. 1, 27–29.
2. ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 106. Л. 13 об. Ф. 4. Оп. 3. Д. 14. Л. 46–47. Оп. 4. Д. 31. Л. 207–207 об. Оп. 6. Д. 35. Л. 290–291. Уральский рабочий. 1987. 23 окт. С. 3.
3. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 70. Л. 1–1 об. Д. 31. Л. 207–209.
4. Бакунин А.В. Репрессивная политика Советского тоталитарного режима // История репрессий на Урале в годы советской власти: Тез. докл. науч. конф.: 25–26 окт. 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 8.
5. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 70. Л. 1.
6. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 31. Л. 207. Ф. 4. Оп. 6. Д. 70. Л. 94 об.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 31. Л. 207.
8. Там же. Л. 207 об.
9. Там же. Л. 207, 208 об.
10. Там же. Л. 208 об.
11. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 70. Л. 1. Д. 31. Л. 209.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 31. Л. 207, 208 об.
13. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 109. Л. 171. Оп. 5. Д. 306. Л. 1.
14. Бакунин А.В., Бедель А.Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994. С. 34. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 35. Л. 174. Д. 347. Л. 45–49, 51, 55–56. Д. 204. Л. 9, 43. Д. 70. Л. 94–96, 104. Д. 56. Л. 25. Д. 85. Л. 1–6 об. Д. 295. Л. 159 об.

15. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 109. Л. 81, 131, 167, 169, 170.
16. Там же. Л. 171.
17. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 109. Л. 171. Ф. 4. Оп. 6. Д. 347. Л. 49. Д. 295. Л. 114, 159.
18. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 347. Л. 39. Д. 295. Л. 159 об.-163.
19. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 109. Л. 1-222. Д. 347. Л. 59, 78-81. Д. 70. Л. 94-94 об. Д. 295. Л. 159 об.
20. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 32. Л. 44 об., 51-51 об., Гассельблат Г.В. Уральская «Промпартия» // История репрессий на Урале в годы советской власти: Тез. докл. науч. конф.: 25-26 окт. 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 21.
21. Бакунин А.В. Репрессивная политика Советского тоталитарного режима... С. 8. Гассельблат Г.В. Указ. соч. С. 21-22.

Г.Н. Шапошников (УрГМА)

СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЗЕМСКОЙ ТЕЛЕФОНИЗАЦИИ

Средства связи играют огромную роль в формировании единого социо - культурного пространства. Появление и распространение телеграфов, телефонов, радио является показателем вступления общества в индустриальную стадию. Специально не останавливаясь на вопросе об общей роли электросвязи, отметим ее наиболее важные функции: экономические, административно- политические, культурно - социальные, бытовые. Иными словами, данная отрасль инфраструктуры ускоряет все процессы модернизации. Первые телефоны появились в начале 80-х гг. XIX в., и сразу получили быстрое распространение. Достаточно отметить, что в годы экономического подъема в последней четверти этого столетия количество телефонных сетей в стране увеличилось в 90 раз, а абонентов в 1885-1899 гг. с 3,2 тыс. до 16,2 тыс. Общим местом в работах зарубежных и отечественных авторов стало утверждение, что развитие электросвязи уменьшает социальный разрыв между правящей элитой и остальным населением¹. Мы не подвергаем сомнению данный вывод, но на основе изучения телефонизации Урала в конце XIX – начале XX вв., уточняем его. На раннеиндустриальном этапе, когда услугами телефонов могут пользоваться только элитные слои общества, а правительство заинтересовано в ней только как в системе управления, электросвязь, наоборот, усиливает социально- культурные различия в обществе. Рассмотрим этот тезис на примере телефонизации земств Урала.

Телефонизация земств в России началась в конце XIX в. Первые телефонные линии органов местного управления появились в Уральско-